

Ирина Чикалова

СКУНС без хвоста

сборник рассказов

Moi aussi

Ирина Чикалова

Скунс без хвоста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641774

ISBN 978-5-4474-2085-7

Аннотация

Рассказы, которые сейчас перед вами, – сборник историй о талантливых детях, восторженных студентах, безответственности и лени, которые выдают за рассеянность, и о наших повседневных буднях, в которых, считает автор, можно увидеть поэзию. Особенно если ко всему относиться с чувством юмора.

Содержание

Волшебная комната	5
Скунс без хвоста	21
Скоро приедет	30
История с балкона	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Скунс без хвоста

Сборник рассказов

Ирина Чикалова

Моему сыну Алексею посвящается

© Ирина Чикалова, 2015

© Алексей Кехтер, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Волшебная комната

– Василиса Андреевна, завтрак готов. Le petit dejeuner est servi. Je vous attends¹.

Василиса вытянулась на кровати, свесила сначала руку, потом стала медленно ползти вдоль одеяла, чтобы продлить эти секунды нежно-теплой мягкости. Все же трагический миг касания ног пола наступил, и она быстрым прыжком проследовала к окну.

«Зима, крестьянин торжествуя», – начала декламировать Василиса, когда в комнату вошла мама

– Друг мой, тебе пора умыться и позавтракать. Сюжеты для очередных картин будем разглядывать позже, – сказала она с решительным намерением немедленно отправить дочь в ванную, но и сама не смогла удержаться, чтобы не восхищаться красотой, блиставшей за окном. Снег и лед экспрессивными мазками покрыли Неву, а солнышко рисовало на ней мазки Караваждо – непревзойденного мастера света и тени. Купол Исаакиевского сверкал как начищенный Чуковской Федорой самовар, и хотелось Кустодиевских санок, шубы и чая одновременно.

Строгость и академичность виду придавал, конечно, Зимний со своей бирюзово-холодной красотой и стройными ко-

¹ фр. Завтрак подан. Я вас жду.

лоннами. Адмиралтейство по сравнению с ним казалось пухлой дамой в маскарадной шляпе со шпилем-пером, однако дамой, безусловно, со вкусом и утонченными манерами. А Петропавловке хотелось на плечи накинуть шубу, чтобы худенькая красавица не замерзала.

Увлечшись игрой света и представляя поочередно разные шедевры мирового искусства, изображавшие зиму то в традиционно белом, то в темно-мрачном, то в скульптурно-осмысленном виде, мама даже не заметила, как Василиса вышла из душа и проследовала в столовую.

– По какому поводу у нас сегодня сырники со сгущенкой? Ты с кем-то в школе вчера поссорилась?

– Все более прозаично, мам, – чувствую наступление холодов и запасаясь жиром. «А в них запасы годовые», – продекламировала Василиса, изрядно надув щеки, изображая хомяка из детского стишка.

– Агата Владимировна, я, с вашего позволения, запасусь зерновыми в объятиях низкокалорийного йогурта, а то, боюсь, с кладовыми жировыми у меня и так все в порядке. А сегодня у нас праздник – вечером прилетает Андрей.

– Явление отца народу – это действительно событие выдающееся. И когда же почтут забытых домочадцев?

– По расписанию прилет в 17:20, но еще таможня, багаж. Я встречу его в аэропорту. Вы с Агатой Владимировной подождете нас дома.

– У меня же сегодня вечером приобщение к вечному и

прекрасному.

– Ну, тогда тебе не придется ждать! – Ах, ждать я давно перестала.. – начала весело распевать Василиса, театрально вскидывая руки к небу. – Ладно, мамуль, бегу одеваться. Пунктуальность – вежливость королей! И принцесс тоже, – задорно подмигнула она строгой Агате Владимировне

Василиса училась в гимназии с латынью и прочими полагающимися для девочки из благородного семейства дисциплинами, которая располагалась на Горьковской, в десяти минутах ходьбы от ее не менее благородного ареала обитания.

После школы полагались два раза в неделю танцы, три раза английский (на французском перманентно разговаривала дома Агата Владимировна), и столько же – посещение художественной студии при Эрмитаже, и в свои десять Василиса была занята не менее высокопоставленного министра.

Этот день пролетел незаметно, и вечером вся семья собралась за торжественным ужином.

– Как гастроли, папа? – спросила Василиса, зная, как отцу-скрипачу важно рассказать про утонченную или хамоватую публику, про эксцентричного или «юморного» дирижера – он принадлежал к старой, несовременной формации традиционных музыкантов, которые не изображали творческого товарища, а просто много трудились и старались делать свою работу хорошо. А так как эта работа составляла огромную часть его жизни, ему было очень важно, чтобы

семья интересовалась, а он обстоятельно рассказывал, обязательно вставляя в повествование добрые, незамысловатые шутки, которые Василиса обозначала как «что делал слон, когда пришел на поле он».

Папа завершал делиться впечатлениями, как правило, к десерту; Василиса знала это и ждала тирамису.

– Итак, первые скрипки выступили великолепно, контрабас – на четверку, а дирижер был все-таки немного фамильярен, – подытожила девочка предыдущие полчаса. Внимание, вопрос: сколько килограммов тирамису съел оркестр Мариинского театра во время гастролей в Ла Скала?

– Не так много, Василиса, не так много, как ты думаешь, дорогая. Пять дней по восемь часов в день артист Мариинского на гастролях в Ла Скала проводил за репетицией, дней было всего шесть, из них четыре – с выступлениями, один заняла дорога. Внимание, вопрос: – сколько времени оставалось артисту Мариинского думать про тирамису?

– Ах, папа, но это не корректный вопрос. Думать про тирамису ты мог даже сидя в «яме».

– Сидя в яме, милая, я думаю, про свою партию, потому что иначе было бы невозможно твое предыдущее заключение по поводу качества исполнения солирующих скрипок.

– И все-таки, расскажи, как вам Милан на этот раз?

– Наши следующие гастроли будут как раз в твои каникулы, и вы сможете с мамой оценить количество тирамису, вмещающегося в десятилетнюю девочку ростом 135 см и ве-

сом примерно 30 килограмм.

– 30,5, папа.

Перед сном Василиса, как часто бывало, стояла у окна, любуясь прекрасным видом из своей комнаты. И, как обычно, пожелать *bonne nuit*², заходила мама.

– Смотри, какое бархатное небо. И месяц тоненький, изящный.

– А там, на звезде, Дом Маленького Принца? – спросила Василиса.

– Может быть. Ярко нам светит, передает привет. И instruction: Василиса, пора спать, звездочка моя.

– Мама, а ты меня любишь больше всего на свете?

– Обещаю, что на мороженое с шоколадом никогда тебя не променяю.

– Даже с ванильным сиропом? – лукаво улыбаясь, добавила девочка

– Ах, если с сиропом, то придется серьезно подумать. Я пошла думать, а ты марш в кровать, иначе... придется соревноваться с мороженым.

Мама обняла свою принцессу, поцеловала по традиции три раза, и удалилась.

Девочка еще долго лежала в темноте, свет от маленькой луны осторожно касался подоконников и едва дотягивался до углов кровати. «Не беспокоит меня, видимо, действительно, пора спать», – думала Василиса.

² фр. спокойной ночи

На следующий день после школы ее забирал папа – редкая, но очень почетная привилегия.

– У нас будут гости, Василиса, – объявил папа, как концертмейстер, торжественно и при этом непринужденно. Мой давний друг, пианист, вернулся из Франции. Теперь они будут жить в Петербурге. Матвей, его сын – почти твой ровесник. Матвей играет на виолончели, уже выиграл международный конкурс. Его мама, Анастасия Александровна, – знаменитая балерина. А папу зовут Лев Андреевич. Впрочем, мы еще представимся, конечно, вечером. Я просто хотел тебя оповестить и попросить быть с Матвеем милой, – он здесь новенький, ему нужна поддержка.

– Он будет ходить в мою школу?

– Да. Как ты догадалась?

– Составила логическую цепочку из твоих предыдущих высказываний: просят помочь и поддерживать, значит, чай, не только во время ужина. Все кролики любят морковь, Роджер – кролик, donc³, Роджер любит морковь.

Папа засмеялся и удивленно смотрел на Василису, когда речь зашла о знаменитом кролике.

– Предмет у нас есть такой, логика. Там рассказывали, – пояснила Василиса.

– Логика – это хорошо, – заключил папа, как всегда делают взрослые, когда не находят сказать ничего более конкретного, оригинального и вообще не находят ничего сказать.

³ фр. таким образом

Дома приготовления к вечернему мероприятию шли полным ходом. Агата Владимировна расставляла цветы в вазах, из кухни исходил по-особенному притягательный аромат, а рояль выглядел как торжественный самовар, натертый до ослепительного блеска и выражающий всем видом великую гордость и годом своего изготовления, и указанием на *société*,⁴ родившее его на свет.

– Агата Владимировна, а что у нас сегодня на десерт? – спрашивала Василиса, прибежав на кухню, едва переодевшись и помыв руки (без этого была бы выставлена вон).

– Это будет сюрприз, – отвечала строгая домохозяйка на французском, потому как на иных языках она с Василисой не общалась в виду должностных обязанностей.

– О-о, сетаинтересан, – протянула девочка, делая особый акцент на последний носовой «ан».

– Что же, даже и мне не скажете?

– Это будет сюрприз для ВСЕХ, – сказала А. В., всем видом показывая, что Василисе пора идти по своим делам.

А дел было немало: предстояло принять учителя английского, сделать уроки. К великой Василисиной радости, по случаю званого ужина на сегодня она была освобождена от танцев, которые существовали в ее жизни не вместо, а в дополнение к Эрмитажу и занятиям английским, и несколько утомляли свобододолюбивую Василису своими чересчур строгими академическими порядками. По части чопорности ей

⁴ фр. общество

хватало и школы со всеми ее греческими и латынскими.

Девочке нравилась геометрия и астрономия. Программа пятого класса по данным предметам была хоть и не слишком углубленная, однако весьма занимательная. Углублением был сам факт существования у пятиклассников данных предметов. На удивление всех, Василиса успевала по этим предметам наравне с лучшими в классе (двое других были мальчиками, безусловно).

Учителем английского был студент из Австралии, которого Василиса ласково называла «кенгуру». Он и правда немного походил на островного эндемика: долговязый, сутулый, но только с длинными руками. И конечно, как и полагается жителю южного материка, блондин с небесно-голубыми глазами, которые всегда смотрели на Василису как на маленькую сестренку, которая у него была дома. Они отлично ладили и даже тайно от А. В. и мамы иногда забегали в Макдональдс; Василиса лакомилась десертом, а Брайан картошкой фри, крылышками и колой.

Схема похода была разработана Василисой до мелочей: в день занятий, а их было, как мы знаем, три в неделю, девочка якобы уходила из школы со старшим братом одноклассника Петра, жившего в соседней парадной. Для подтверждения легенды стоило лишь однажды попросить Сашу сообщить об этом А. В., что тот и сделал тоном наиболее серьезным и деловым. И Брайан встречал Василису после уроков, а потом приходил, выждав нужные 15 минут, допивая колу.

Брайн не очень утруждал Василису грамматикой, а так как способности у нее были весьма выдающиеся, в школе она успевала лучше всех, что и было отнесено родителями на счет дорогих частных уроков. Они болтали про птичек, Деда мороза и прическу Мэрилин Монро, иногда Василиса рассказывала об устройстве солнечной системы и Кеплера, благо словарем пользовалась без труда. Сегодня поведала Брайну про радостное событие и предложила закончить пораньше.

Ужин проходил в обстановке наиболее увеселительной и непринужденной. Лев Андреевич с папой постоянно шутили, мамы сошлись на любви к Моне, а дети – на ненависти к латыни.

После десерта все распределились по интересам, а Василиса предложила Матвею посмотреть диафильмы, у нее была большая коллекция картин на них, доставшихся по наследству от бабушки, большой фанатки импрессионистов и постимпрессионистов.

Василиса достала большую коробку.

– Что будем смотреть? Хм... Ван Гог. Давай Ван Гога. Я видела у него красивые картины в Эрмитаже, очень цветные. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Матвей.

Василиса с таким энтузиазмом произнесла про «цветные картины», что предлагать «Карлсона» было как-то чересчур банально. И неизвестно даже, был ли он жалован бабуш-

кой-искусствоведом

Они забрались в уютное пространство, устроенное для просмотра – огороженный ширмой домик внутри Василисиной комнаты. Проекция делалась на стену, завешенную огромным белым ватманом.

Девочка поставила первый слайд, и пространство вокруг залилось красным, желтым, оранжевым с согнутыми над работой фигурами женщин и кучером вдалеке. Картина была, как несложно догадаться, «Красные виноградники в Арле».

Дети заворуженно разглядывали желтое небо, блики огненного гиганта на воде, синие горы вдали и, конечно, алые виноградники.

– О чем, интересно, она думает? – сказала Василиса, пристально смотря на женщину первого плана, стоявшую вполоборота к зрителю.

– *Que-ce que vous penser, madame*⁵?

– *Le soleil va se coucher très tôt, et il y a encore beaucoup de travail*⁶, – подхватил игру Матвей.

– Как дела, красотки мои? – говорил мальчик за кучера на заднем плане.

– Ты это тоже слышишь? – шепотом спросила Василиса.

– Да, они тихо поют.

– А кучер что-то говорит женщинам? *Salut, les filles, quelle chaleur aujourd'hui!* Привет, девочки, жаркий выдался денек.

⁵ *фр.* О чем вы думаете, мадам?

⁶ *фр.* Солнце скоро зайдет, а у нас еще много работы.

Женщины покивали, даже не поднимая головы – поглощены работой. – Да, не сладко им там. В прошлом году мы с мамой были в Провансе, ух и пекло там было, – прокомментировал ситуацию Матвей и широко улыбнулся, сам радуясь от своего «ух и пекло»

Василиса не отреагировала и продолжала заворуженно смотреть на картину, которая оживала у них на глазах, заманивая в лоно южной французской провинции.

– Вот бы им помочь, – сказала Василиса. Интересно, это сложно – собирать виноград?

– Думаю, на таком солнцепеке даже и без собирания винограда, как говорит наша Алевтина Марковна, «не сахар».

В ответ на удивленный взгляд Василисы мальчик прокомментировал: Алевтина Марковна, заслуженный сотрудник муз, преподавательница сольфеджио, вернулась вместе с семьей пианиста на историческую родину.

– Если мы слышим их голоса, интересно, мы можем туда к ним попасть?

Но тут голоса стали стихать, и картина снова отрешенно пребывала на стене.

– Солнце такое красное, градусов 35 у них там, не меньше, – отметил Матвей. Видимо, погодные условия собирания винограда занимали мальчика больше всего.

– Нам говорили, что он выдавливал краску прямо из тюбика и размазывал пальцами, – сделала небольшой искусствоведческий экскурс Василиса, делаясь полученными в школе

при Эрмитаже знаниями. Интересно, пальцы у него были тонкие?

– Зачем же ему тонкие? Он же не Денис Мацуев.

Матвея позвали собираться домой. – Приходи завтра, еще что-нибудь посмотрим. – Ага, спасибо.

На следующий день Василиса ждала с нетерпением вечера и погружения снова в свою «Волшебную комнату».

На сей раз они рассматривали «Автопортрет с трубкой». – «Для того чтобы хорошо работать, нужно хорошо есть, жить в хорошем доме, время от времени плясать, курить трубку и пить кофе в тишине»⁷, – вдруг заговорил художник

– Здравствуйте. Хотите, я Вам принесу кофе? – не растерялась Василиса.

– Ах, что Вы, милая девочка, не стоит беспокоиться. Я никому не нужен.

– Нет-нет. Нам нужен, очень. Пожалуйста, не грустите. У нас есть еще отличный торт. Хотите?

Пока Василиса бегала на кухню, голос снова пропал.

– Он курил трубку, – шепотом сказал Матвей.

– Бедный, по-моему, он вообще сегодня ничего не ел.

– Смотри, это его комната. Такая маленькая, почти как у лицеистов. Ты, наверное, не видел, в Пушкине?

– Нет, у лицеистов в гостях я еще не был

– Это, наверное, его картины на стенах. Он все равно ничего не мог продать, у себя хранил. А кровать такая забав-

⁷ Цит. по «Письма Ван Гога Тео»

ная, как будто детская.

Василиса пыталась отвлечься от грустного Винсента.

– Давай с лодками посмотрим.

– Я бы хотела поплыть куда-нибудь на необитаемый остров, вот на этой, красненькой

– Во Франции девочки не любят «красненькое» и не дают понести портфель.

– Хм, странные они..

– Вот эти японские мне тоже очень нравятся, такие изящные цветочки. Я умею лепить. Хочешь, покажу?

Следующий день начался с «Едоков картофеля».

– Ой, как у них тут темно.

– Раньше было две лампы, а теперь денег на керосин нет. Это хорошо, что хоть эта осталась, – говорила женщина с картины, будто отвечая на замечание Василисы

– Сосед наш, Марсель, умер вчера от легочной болезни. А жена его и трое детишек остались. Надо бы им картофеля занести сегодня, – продолжала разговор другая.

– Проклятая шахта.

– Ой, какой ужас. Может, вы хотите торта? – пыталась как-то приободрить едоков Василиса.

Но герои не слышали ее и продолжали свой грустный разговор.

– Это невыносимо, Матвей, пусть они прекратят.

Мальчик поспешно вытащил пленку, обнял Василису.

– Не расстраивайся так, они ненастоящие.

На следующий день Василиса была мрачна, даже задачи по геометрии не давались

– Что случилось, милая? Ты какая-то хмурая целый вечер. И Матвей сегодня не приходит? Мы с папой очень обрадовались, что вы подружились.

– Мама, ты знаешь «Едоков картофеля»?

– Да, конечно, Ван Гога, а что?

– Почему они такие грустные там?

– Потому что у них была непростая жизнь. Мужчины работали в шахте в очень тяжелых условиях, часто погибали. А женщины занимались хозяйством, выращивали домашних животных, чтобы хоть как-то прокормиться.

– А сейчас так не бывает, да ведь?

– Нет, милая, в наше время у рабочих не такие условия, но все же шахтерам непросто живется

– Они есть, шахтеры, и сейчас? А где же они живут?

– Да, конечно, есть. Живут они там, где добывают уголь, в Донбассе, например.

– А это далеко от Петербурга, Донбасс?

– Да, Василиса, это на юге Украины.

– А мы поедем когда-нибудь на юг Украины?

– Разве что в Крым, дорогая моя, в Донбасс не поедем, не волнуйся.

– А больше нет нигде шахтеров, только в Донбассе?

– Почему же нет? Уголь добывают и у нас, на Урале, и в Китае тоже

– А зачем? Раз это так тяжело и люди болеют? Это же несправедливо.

– Из угля получают энергию. Энергия нужна для производства, для нас тоже, чтобы дома, например, было тепло.

– А по-другому нельзя добывать энергию?

– Можно, но на все не хватает.

– Мама, мне очень жалко этих шахтеров.

– Василиса, милая, в жизни много страдания и несправедливости. Как бы тебе сказать... не все, конечно, могут ходить в Эрмитаж и заниматься английским. Не у всех есть Агата Владимировна

– Хм... я не знала, что это так хорошо – ходить в Эрмитаж... Я больше не буду жаловаться на свою учительницу танцев, мама. Ох, я, пожалуй, вообще больше не буду жаловаться.

– Да, пожалуй, на учительницу танцев не нужно жаловаться. И на куратора в Эрмитаже тоже. Они не желают тебе зла. Я же тебе всегда говорила. Разве нет?

– Ну да, говорила, – протяжно произнесла девочка, прижимаясь к маме. Я просто вреднючая, да? Un peu gâtée⁸, как говорит А. В.

– Агата Владимировна всегда правду говорит, – мама даже выпрямилась при этих словах.

– Почитай мне «Маленького принца», пожалуйста.

– Конечно, моя принцесса, конечно. Принцессам не нуж-

⁸ фр. испорченная

НО ГРУСТИТЬ.

Москва, май 2014

Скунс без хвоста

Это был последний день летней сессии: когда дышится небом, травой, а не пылью библиотеки. Алина невольно вспомнила «хорошую девочку Лиду», когда вылетала из здания университета. Приятное головокружение от того, что можно даже подумать, чем бы заняться, прежде чем уныло отправиться за очередным учебником. Мир вокруг казался ей таким огромным после 5 метров комнаты общежития. И солнце было желанным другом, а не злым раздражающим монстром, поедающим последние капли свежего воздуха и удушающим хуже Фихтенгольца.

К счастью, план на вечер был давно обдуман: в главном здании Университета давали концертное исполнение «Кольца Нибелунга» под управлением великого маэстро, бессменного руководителя Мариинки.

А до этого днем была лекция по антропологии народов центральной Африки. Несмотря на свою крайнюю неприязнь к центральной Африке, Алина решила пойти, потому как антропология входила в сферу ее ненаучных интересов.

Лекция оказалась неожиданно интерактивной, народ разделили на группы и даже давали разные задания для большего погружения в быт и образ жизни диких товарищей из джунглей.

Группа Алины подобралась на редкость приятная, воспи-

танная и с хорошим чувством юмора, словом, они прекрасно провели время, повеселились и даже развлекли всех не очень-то интерактивных антропологов.

Федор тоже был в этой группе. Совершенно неожиданно для себя Алина осознала, что никогда раньше не замечала его ни на занятиях, ни в кафе – вот она, пыль библиотеки, затуманивает взор, подумала она.

На вечернем концерте Федор оказался с томиком Саган в оригинале. *Aimez vous Brahms* – сказал он, протягивая Алине сокровище, с большими усилиями раздобытое в столь сжатые сроки.

Пока они шли до ее *auberge*⁹ после веселой Африки, Алина совершенно случайно упоминала Саган и жаловалась, что не могла найти в оригинале именно «Брамса», хотя, надо признаться, один поход в «Дом книги» нельзя назвать подвигом «найти и не сдаваться».

– Да, конечно. *Et Sagan, Sagan j'aime même plus*¹⁰.

На следующий день в Университете было скучное, но необходимое мероприятие, предполагавшее присутствие всех студентов курса в актовом зале в течение полутора невыносимых часов жажды жизни за пределами каких бы то ни было зданий в такую пору

Мероприятие прошло примерно наполовину, когда Алина получила скомканный листок, переданный с соседнего ряда.

⁹ *фр.* общежитие

¹⁰ *фр.* А Саган, Саган люблю даже больше.

Открыв его, она обнаружила: «Скунс без хвоста (зачеркнуто НС), хочет напиток (мелким шрифтом внизу) чаю». Послание было проиллюстрировано в стиле детских загадок, хотя скунс был больше похож на бобра, но чай, надо отдать должное художественным способностям Федора, различить было можно, именно чай, потому что было в этой чашке с дымящейся жидкостью что-то узнаваемое, кустодиевское.

Смышленной Алиной в ответ было отправлено следующее: «Мама sans ама¹¹, оі, оса» (с зачеркнутой «а») и нота «си» (была изображена часть нотной книги).

Федор из этого легко заключил – moi aussi¹².

Следующая записка содержала призыв к действию:

«А – оболочки человека у древних египтян, chez – город у греков, а у нас – транспорт, ее державное течение, прилаг.»

После расшифровки «в 7, у метрополитена», «Невский проспект» был покорен без раздумий.

Мероприятие подходило к концу, когда Алина отправила ответ: «Сова в Вини Пухе с рядом изображенным флагом Франции», что было, конечно, гуманнее странных египтян и незаметно для него самого вызвало у Федора улыбку: ça va¹³.

После фильма они свернули с Конюшенной налево, а не направо, не сговариваясь, желая слушать петербургскую тишину. В этом прелесть петербургской ночи – она бывает

¹¹ фр. мама без «ама»

¹² фр. я тоже

¹³ фр. хорошо

тихой, без вечно спящих на такси любителей ночных клубов, непонятно по каким делам спешащих бизнес-вуменов и менов.

Реки и каналы облегченно вздыхают, оставленные в покое неугомонными туристами, дворцы становятся еще более величественными, не окруженные суетливыми очередями; они отдают воздуху свой каменный холод и смотрят на вас как гордая и величественная красавица, позволяя восхищаться и преклоняться пред собой. Тогда Петербург становится еще более похож на Дориана Грея, прячущего свой стареющий и жуткий портрет во дворах-колодцах и нарочито выставляющего напоказ свою пышущую великолепием красоту. Во дворах он стыдливо прячется, на вечно не убранной Сенной будто пытается вам сказать, что это не он, это клевета не него.

И воздух после дневной жары ласково окутывает вас, легким ветерком пытаюсь закружить в вальсе с колоннами Казанского или взнести на одного из многочисленных бронзовых коней.

Aga, les nuits blanches sont vraiment magnifique chez nous¹⁴, – подумала Алина про себя, потому что за многочисленные часы прогулки они почти не разговаривали.

Слушая каждый свою мелодию дворцов и фонтанов, они незаметно подошли к Эрмитажу.

– Нет! Этого не может быть! Мы такие идиоты! – невольно

¹⁴ фр. а белые ночи у нас и правда прекрасные.

вскричала Алина, увидев разводящийся Дворцовый мост и осознав, что они вообще-то на другой стороне.

– Можем посмотреть корабли, – предположил Федор, но увидев лицо Алины, добавил, – Плохая идея, да?

– Это вообще не идея для голодного уставшего человека! Я сейчас на основании Маслоу и в великой печали по этому поводу.

– Мы можем пойти ко мне, родители в Италии и оставили много еды.

– Так что ж ты раньше не сказал?! Какие могут быть корабли, когда дают мамины пельмени! Ну или что там велико-фаршированное дают???

– Да, кстати, пельмени дают.

– Все мамы морозят пельмени для своих нерадивых сыновей. Даже моя, регулярно улетающая слушать карпатскую дуду и прочие цитры и моренхуры

– А, ну хорошо, – как-то механически сказал Федор, реагируя на Алинино великое воодушевление по поводу пельменей.

После ужина Алине была предложена комната, обычно занимаемая Федором. Перед сном он аккуратно постучался в дверь с целью спросить, не нужно ли воды и не стоит ли отключить кондиционер. Получив в ответ невразумительное мычание, удалился спать в просторные родительские покои.

С утра Федор проснулся чуть раньше и, выжав сок и сварив кофе, остановился в нерешительности перед дверью сво-

ей комнаты, не совсем понимая, то ли книжку пойти почитать или как, не будить же человека, в самом деле. Дверь неожиданно открылась, и растрепанное и помятое тело, бывшее вчера очаровательно ухоженной Алиной, столкнувшись с Федором, выпалило:

– Слушай, но по крышам я с тобой гулять не пойду!

Немой вопрос на лице Федора требовал на сей раз объяснений: скунс без хвоста был хотя бы вполне логичен, релевантен ситуации и вообще художественно представлен...

В своем временном замешательстве и неловкости Федор не заметил в руках Алины книгу «Крыши Петербурга», красивый альбом, подаренный ему недавно другом.

– Ну не хочешь, не пойдем. Я не настаиваю, – парировал немного пришедший в себя молодой человек. – Ты всегда такая? Категоричная?

– Ммм, чувствую кофе и грейпфрут. А блинчиков с твоим мама случайно не оставила? Хотя мальчики обычно не любят творог, – с искренним разочарованием прибавила Алина.

– Блинчики оставила. А творог есть отдельно. Мама ест какой-то там низкокалорийный. Тебе пойдет, я думаю.

Совместный завтрак послужил началом само собой разумеющихся походов на выставки, встреч с общими друзьями и прочих околоромантичекых мероприятий.

Выезд на пикник планировался уже давно и тщательно группой инициативных друзей Федора, выезд предполагался

в будний день во избежание мешающих «взрослых и работающих», а часто и «с детьми». Наконец заветный день настал, все необходимое было аккуратно упаковано и погружено на несколько автомобилей. Дорога выдалась особенно веселая, как и полагается, с громкой музыкой («мы же одни на шоссе»), шумными разговорами и предвкушением не только обработанной органической материи, но леса, ощущения травы голыми пятками.

После купаний, бадминтонов и прочих активностей первые минут 10 обеда прошли под эгидой «уста жуют, замолкли разговоры».

После разговор оживился и одна из девочек рассказала, как ее молодой человек устроил им романтический вик-энд с полетом на воздушном шаре.

– Ну вот, не то что некоторые сунсы без хвоста, – выпалила Алина, весело поглядывая на Федора.

Федор побледнел и ничего не ответил. Большие карие глаза никогда еще не смотрели на Алину с такой горестью, смешанной с презрением.

– А что такого я сказала? – спрашивала Алина, когда они вернулись.

– Это была наша тайна, наш мир. Ты его разрушила

После этого они не виделись все лето, через пару дней после пикника Алина в любом случае уезжала на каникулы к родителям, и они должны были бы расстаться на почти 2 месяца.

Возвращения на учебу Алина никогда не ждала так нетерпеливо, стараясь не оставить на мысли ни единой минуты, даже пошла помогать в детский летний лагерь, хотя к детям относилась с осторожностью – считала, что с этой точки зрения она отработала, заботясь о младшем брате.

В первый же день Федору через его друга пришло сообщение: Советская энциклопедия, том 3, страница 335: фауна центральной и северной части США и Канады.

В записке, найденной между страницами, значилось: Теперь скунс живет у меня и постоянно хочет чаю.

Но ответа не последовало, ни завтра, ни через неделю.

Неизвестно, на что бы Алина решилась, если бы она могла увидеть Федора. Но его не было ни на занятиях, ни в кафе.

Выяснилось, что он уехал. На стажировку, в Стокгольмскую школу экономики

Раздобыв адрес кампуса и номер комнаты, Алина отправила послание: «Скунс уже вообще без хвоста умирает, и никакой чай ему не помогает».

Помимо этого, Федором был обнаружен лист с вензелями и следующим текстом:

Тишина – это мысли домов и деревьев, травы и огня,

Тишина – это облако снов, что я вижу сейчас без тебя

А в моей голове только шум, плески волн и топот дождя,

Отчего же сейчас в тишине ты не держишь за руку меня?

В ответ было получено: Аум тоже, страдает и французский флаг.

Урра, урра, moi aussi

– Папочка, привет! Не могу до мамы, как всегда, дозво-
ниться! Она Ферганский хребет, что ли, покоряет? Обычно
хоть детям родным сообщает... В общем, передай ей, пожа-
луйста, что я в гостях у Карлсона в ближайшую неделю.

– Дочь информирует о посещении некоего Карлсона на
этой неделе. Он хоть из приличной семьи, этот Карлсон?

– Ах да, конечно, она улетела в Стокгольм. К своему скун-
су без хвоста.

Больше папа ничего не стал уточнять. Он привык, что
дочь пошла в жену, а та у него весьма странная.

«Сапсан», февраль 2013

Скоро приедет

– А мама скоро приедет? – спрашивал маленький Ваня уже в сотый раз бабушку, навещавшую его в детском лагере.

– Скоро-скоро, солнышко, – говорила Валентина Андреевна, сама не веря своим словам.

Дочь Аня уехала куда-то в Амурский край, с миссией *Medicins sans frontiers*¹⁵, хотя сама к медицине никакого отношения не имела. Сообщалась оттуда регулярно, но о дате возвращения не говорила никогда

Валентина Андреевна не разделяла благотворительного порыва дочери и не поддерживала, но поделаться ничего не могла. Дочь давно принимала все решения по поводу своей жизни самостоятельно.

– Аня, здравствуй.

– Привет, мама.

– Как там у вас дела? Удалось кого-то спасти?

– Да, многих детей отправили в соседние регионы. Детский дом эвакуировали

– А... хорошо... А еще непонятно, когда домой? Не то что я...

– Мама, ну, опять начинается. У вас что-то случилось?

– Нет, ничего не случилось. Ванечка скучает очень.

¹⁵ фр. Врачи без границ

– Я здесь нужнее. Пусть воспитывается мужчиной.

– Уж какой там мужчина... ему же нет четырех еще. Ладно, как знаешь. Звони почаще. Мы с папой беспокоимся все-таки. В новостях все время смотрим...

– Не смотрите вы этих новостей, всякую чушь несут. Я приеду, напишу и покажу всем, как на самом деле дела обстоят. Как приходится выбивать транспорт на эвакуацию, деньги, медикаменты. Впрочем, что я тебе говорю, все равно не поймешь. Ну пока, целую.

– Дед, Николай, ты спишь? Надо Ваню из лагеря этого забирать. Анька неизвестно когда явится, а ребенок, бедный, с чужими людьми, не дело это.

– Раз надо, заберем. Завтра поедем и заберем. Да не реви ты.

– Да как же мы ее такую бессердечную-то вырастили...

– Ну вон она там спасает...

– Ага, спасает... А свой-то птенец... Мужчиной, говорит, пусть растет, тьфу!

– Ты, никак, подрался с кем, боец? Дед взял мальчика на руки и заметил синяк на лбу, над левым глазом.

– Нет, что Вы, упал с велосипеда, – поспешила пояснить воспитательница.

– Да, с веи. си. педа, – понуро ответил Ваня.

– У нас драки не допускаются, мы следим, – все еще оправдывалась женщина.

– Ладно-ладно, синяк нам не помеха. Домой-то хочешь?

– Осень хосю! – весело ответил малыш, и для убедительности взял деда за руку – вести к машине

– Побежали тогда, бабуля уж заждалась, котлеты да сырники тебе готовит.

– Ваня юбит катлетку! И сыйник!

Валентина Андреевна ждала у калитки.

– Золотце мое, солнышко, бабушка-то как соскучилась! Да ты, я гляжу, весу-то поднабрал, богатырь наш! Ох, бабушка с трудом поднимает

– Ваня весу поднабьял! – повторял мальчик, как делал часто, о себе в третьем лице.

– Котлетки с пюре будешь?

– Буду!

– Вот умница. А потом десерт! Бабушка творожную запеканку сделала.

– Дед говоил, сыйники. Эх, дед, не в куйсе ситуации

– Да куда уж мне угнаться-то за курсом ситуации, бабушка у нас очень шустра, брат.

После обеда полагался сон. Валентина Андреевна принялась выбирать книжку «на сон грядущий»:

– Про Лукоморье или «Идет бычок»? – с энтузиазмом демонстрируя внуку книги с крупными буквами и разноцветными картинками, спрашивала она.

Ваня грустно сидел на кровати, и не обратил ни на бычка, ни на русалку на ветвях никакого внимания.

– Что с тобой, Ванечка?

– А мама уже никогда не пьедет?

– Ну что ты такое говоришь, конечно, придет, и скоро

– Она уехала, потому что не любит меня? Потому что я пьехо себя вел?

– Что ты такое говоришь. Ты очень хороший мальчик. Мама тебя любит. Мама просто сейчас поехала по важным делам. А потом вернется.

– А что за делам?

– В одном городе злая волшебница заставила дождь лить непрерывно, чтобы затопило все дома и дороги. А там были и маленькие детки..

– Как я? – вмешался Ваня.

– Да, как ты, солнышко, и еще даже меньше

– У них не стало дома, ни садика, и надо было их спасать.

Вот мама и поехала спасать.

– А у них нет своих мам?

– Не у всех есть, Ванечка. Давай лучше бабушка тебе книжку интересную почитает. Давай? Смотри, какой дуб красивый. У лукоморья дуб...

– Зееный, – без воодушевления продолжал Ваня.

– Златая цепь на дубе том. И днем, и ночью...

– Кот ученый все ходит по цепи кругом.

– Идет направо – песнь заводит... Спи, лапушка моя, спи

Тем временем Аня обновляла статус в социальных сетях, периодически призывала к сбору средств в пользу пострадавших и вообще всячески демонстрировала свою активную

гражданскую позицию. Это ей было важно – продемонстрировать гражданскую позицию. Фото из мест печальных событий были соответствующим образом центрированы, сфокусированы – словом, все умения, приобретенные в фотошколе, были надлежащим образом применены. Прошел месяц, заканчивалось лето, пора было переезжать с дачи в город. Ваня все реже спрашивал про маму, привык, что ее нет.

Внезапно Аня сообщила, что едет. Спасательная операция закончена, и она может «какое-то время» побыть дома. Валентина Андреевна не стала даже уточнять, почему «какое-то время», пусть хотя бы приедет, а там видно будет.

Ваня обрадовался, хотя и не так, как деду, забравшему его из лагеря, и бабушке, встречавшей у калитки.

– А теперь, Ваня, не мешай мне, пожалуйста. Иди, солнышко, поиграй сам, маме надо поработать, – сказала Аня, утыкаясь в компьютер.

– Мама уже долго яботала. А теперь мама должна игъять с Ваней, – протяжно поднимал мальчик и тянул Аню за руку..

– Нет, Ваня, прости, пожалуйста, маме некогда, – твердо сказала Аня, наклоняясь, чтобы поцеловать сына в лоб.

Но Ваня убежал к бабушке.

Когда мальчик уснул, Аня пришла к Валентине Ивановне:

– Мама, вы можете пожить с Ваней какое-то время? Я могу найти няню, если нужно. Меня берет на работу одно крупное издание – освещать события из опасных мест

– Каких? Каких опасных мест? – Валентина Андреевна не

могла поверить в то, что слышит.

– Из мест катастроф или войн. Сейчас в Америке недавно цунами было.

– А как же Ванечка?

– Вот я и говорю, может, няню взять, если тебе одной с ним сложно будет

– Какая няня? Он и так в сад ходит... Может, ты еще передумаешь?

– Нет, мама, я твердо решила. Эта та работа, которая мне очень нравится.

– Неужели нельзя найти другую работу, чтобы быть дома?

– Ты хочешь, чтобы я в офисе штаны просиживала бездарно с 9 до 18? Чтобы я умерла тут со скуки и тоски от собственной бесполезности? Я могу пользу приносить человечеству

– Аня, что ты говоришь, какое человечество, когда у тебя сын родной брошен будет?

– Почему брошен? Он же в саду, с вами?

– Мать ему нужна. Отца ты его уже лишила, но хоть на мать-то может ребенок рассчитывать! Что ты за изверг-то такой?

– Мама, я не хочу разговаривать в таком ключе. Это неконструктивно.

И захлопнула за собой дверь

Через две недели был Ванин день рождения, 4 года. Мальчик принес в садик печенье, испеченное бабушкой.

– Какое вкусное печенье! – говорила Лиля, самая красивая девочка в группе, с которой Ваня составлял «пару» на прогулке и занятиях в классе. Это твоя мама испекла?

Ваня строго, почти зло, что с ним никогда не бывало, посмотрел на улыбающуюся голубоглазую Лилю с большим розовым бантом и самым серьезным тоном произнес:

– Это бабушка, моя любимая бабуля испекла. А мама... бабушка говорит, что она скоро придет...

Санкт-Петербург, шоль 2013

История с балкона

Все знают уютные, с ухоженными цветочками в горшочках балкончики, с резными решетками, манящие завернуться в плед и усесться с книжкой. Такие бывают *magnifique* в Париже, *bonito* в Барселоне и совершенно *belissimo*¹⁶ в Риме. Они всегда прекрасно дополняют образ очаровательных европейских городов и непременно входят в описания незамысловатых путеводителей.

На одном из таких балконов в не менее притягательном европейском городе (хотя и весьма северном) Алина проводила целые дни с мольбертом. Она наблюдала за суетливой жизнью, не будучи замеченной спешащими по делам в центре города прохожими. Иногда на ее холсте эта жизнь замирала и превращалась в талантливый городской пейзаж. Зарисовки передавали *la vie quotidienne*¹⁷, которая разыгрывалась то аллегро (в утренние и вечерние часы), то адажио – в часы «сиесты», как говорила мама Алины, хотя климат величественного города не предполагал «отдыха в жаркую пору» по причине отсутствия таковой поры. Чаще всего сиеста заключалась в том, что дождь, снег, ветер или все они вместе выгоняли посетителей Алининых зарисовок с маленькой уз-

¹⁶ Все три слова означают «прекрасные».

¹⁷ фр. повседневную жизнь

кой улочки в многочисленные кофейни, позволявшие Алине запечатлеть город без его обитателей.

– Потому что Париж южнее, и гулять там приятнее даже в такую пору, – поясняла Алина сама для себя невозможность увидеть сходство с любимым Писсарро в пейзаже вокруг

– Да, спасибо. Все время теряю свои зонты, – кокетливо поправляя намокшие волосы, говорила эффектного вида девушка, благодаря за раскрытый над ее головой зонт.

И они направились в сторону набережной уже вдвоем. Алине стало немного неловко от нечаянно подсмотренной ею сцены знакомства.

Но поймав на себя на мысли, что молодой человек, наверное, архитектор, она почувствовала себя еще более сконфуженной, даже с легким румянцем на щеках. Дело в том, что архитектор почему-то был наиболее романтически-привлекательным образом для Алины.

– Ну вот, «озноб болезни сменился жаром любви»¹⁸, этого еще не хватало! – подумала она про себя.

Как назло, молодые люди («архитектор» и эффектная) встречались каждый вечер напротив фонтана, над которым так уютно расположился балкон артистической квартиры Алининых родителей-художников.

Ввиду того, что теперь Алине уже разрешалось выходить из дома, она решила развеяться в кофейне напротив и попробовать рисовать там, чтобы как можно реже возвращать-

¹⁸ Цит. из «Травиаты».

ся на балкон к раздражающим юное сердце картинам.

– No, not meat, but salmon, please¹⁹, – вопрошала преклонных лет иностранка, тщетно пытаясь купить нужный ей бутерброд.

Девушка за стойкой поспешно тыкала пальцем в разнообразную еду на витрине, искренне желая подать нужный тип булочки с начинкой, но все время ошибалась, и к тому же пресловутый salmon значился в меню, но уже был поглощен с витрины ранее заходившими соотечественниками, не имевшими проблемы с переводом.

– С лососем у вас еще остались? Тогда дайте ей, пожалуйста, – поспешила на помощь Алина.

– Oh, you are so nice. Thanks a lot! Such a shame I don't know the language²⁰.

Иностранка оказалась женой английского бизнесмена, отправленного в дикую страну налаживать процессы, «руководить и организовывать».

Анна (так звали британскую подданную) не работала, языка не знала, «вот выходила в это кафе, чтобы хоть как-то развеяться и отвлечься от своей скучно-монотонной жизни».

Алина начала было рассказывать про музеи, выставки, концерты, но поняла, что страх выходить куда бы то ни было в одиночестве в стране, о которой она ничего доброго на родине не слышала, гораздо выше желания хоть как-то спа-

¹⁹ *англ.* Не мясо, а лосось, пожалуйста.

²⁰ *англ.* Вы так милы. Спасибо большое. Так плохо, что я не знаю языка

стись от смертельной скуки, доведшей несчастную до полного отчаяния.

– У меня теперь Анна на шее, – делилась Алина впечатлениями дня с мамой.

– Совершенно чокнутая иностранка, задыхающаяся в 200 квадратных метрах. Не могу пока точно сказать – княжна Мери или Вера, в престарелом возрасте. Но на воды ей было бы полезно. Желательно в Монтрё.

На следующий день Алина вела Анну в Эрмитаж. Потом был Русский музей. В Мариинский отправила их вдвоем с мужем, благо вечерами он хотя бы иногда был избавлен от необходимости «внедрять и организовывать».

Анна даже как-то расцвела по сравнению с днем, когда Алина встретила ее в кофейне, в отчаянных попытках раздобыть себе салмона в булке.

Думается, что благородная деятельность по спасению душевного равновесия иностранной гражданки должна была позитивно действовать и на Алину. У нее оставалось совсем мало времени вспоминать привлекательного архитектора. Помимо этого, она вернулась в Академию и рисование «с натуры» часто происходило в классах.

Тем не менее, необходимо было отметить, что артистического вида незнакомец (N.) поселился в Алинином мире и никуда не собирался деваться. 3–5 метров между фонтаном и знакомым нам балконом с ухоженными цветами были тем особо притягательным расстоянием, которое Алине хо-

телось преодолеть.

Уличные зарисовки были высоко оценены преподавателями, и нашей героине было настоятельно рекомендовано продолжать упражняться, добавив красок и света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.